

Русско-турецкие войны и образование Бессарабской области (1812-1822): политика автономии и колонизация

Виктор ТАКИ

Abstract

In the first decade following the annexation of Bessarabia, the Russian authorities simultaneously pursued two different approaches without fully realizing their contradictions. On the one hand, they sought to win support of the Bessarabian nobility by recognizing their land titles in the former Hotin reaya and proclaiming local autonomy based on the law of the land. On the other hand, they sought to colonize the underpopulated lands of Southern Bessarabia by inviting transdanubian Bulgarians and other ethnic groups. Although both approaches envisioned the transformation of the new province into a new homeland for the co-religionist Balkan peoples, their combination provoked social tensions between the the Bessarabian landowners and the colonists. The paper argues that the prolonged conflict between the two groups ultimately illustrates the uncertainty of Bessarabia's status in the political geography of the Russian empire during the first decades after 1812. While the regime of the nobility-based Bessarabian autonomy was not unlike various schemes of indirect rule adopted in Russia's Western borderlands, the invitation of colonists continued the colonization policies characteristic of New Russia. In this respect, the placement of the province under the jurisdiction of the governor-general of New Russia in 1822 emphasized colonization at the expense of local autonomy and prepared the abolition of the latter in 1828.

Keywords: Bessarabia, Russian Empire, colonization, local autonomy

На протяжении всей своей истории Россия чаще воевала с Османской империей, чем с какой-либо иной державой. С конца XVII в. по конец XIX в. имели место десять русско-турецких войн, способствовавших кардинальным изменениям в черноморском регионе. По меткому определению Чарльза Кинга, в этот период произошло превращение « Кара Дениз » в собственно « Черное море ». ¹ Из « османского озера », оберегаемого султаном « подобно невинной девице » от иностранных вторжений, данная акватория и ее побережья превратились в пространство противостояния двух держав, с важными демографическими, экономическими, социальными, политическими и культурными последствиями. Наиболее разительные перемены произошли в Северном Причерноморье. Русско-турецкие войны способствовали

¹ Charles L. King, *The Black Sea: A History* (Oxford University Press, 2004), 110-187.

здесь тому, что знаменитый американский историк Уильям Х. Макнилл называл «закрытием степного фронта Европы».² Северопричерноморская степь, бывшая на протяжении полутора тысячелетий пространством миграций кочевых народов, в XVIII в. – начале XIX в. превращается в пространство сельскохозяйственной колонизации, представлявшей самый масштабный из подобных проектов в истории человечества до начала освоения американского Дикого Запада в середине XIX в. Данный демографический и социально-экономический процесс был отражением и одним из аспектов русско-османской борьбы, в которой определялась не только территориальная протяженность двух империй, но и сам характер разделявшей их границы. Османская империя была заинтересована в существовании к северу от Черного моря «дикого поля», открытого для набегов подконтрольных ей крымских татар и ногаев, которые ослабляли Московское царство и Польско-Литовское государство и приносили Стамбулу известную долю «урожая степи». Напротив, Московское царство, а затем и Российская империя, была заинтересована в разрушении Крымского ханства, деномадизации ногаев и земледельческой колонизации данных территорий, что позволяло содержать здесь крупные воинские контингенты. Вот почему смена кочевого или полукочевого населения Северного Причерноморья оседлыми земледельцами была одновременно и фактором, и одним из проявлений изменения баланса сил в регионе в пользу России.

В то же время, Северное Причерноморье, как и территории к востоку и западу от данного водного пространства, в конце раннемодерного периода были заселены не только полукочевым, но и оседлым населением, чьи общественные структуры определялись наличием землевладельческой аристократии, опиравшейся на местную правовую традицию. Таковыми были и сами крымские татары, несмотря на важную роль набегов в экономике ханства. В эту же категорию нужно отнести и грузинские царства, и, разумеется, румынские княжества. Эти политические образования играли важную роль в пространстве русско-османского противостояния, а потому российская политика в данном регионе включала не только поощрение земледельческой колонизации, но и взаимодействие с землевладельческими элитами данных оседлых обществ. Такое взаимодействие предполагало признание за этими элитами их исторических прав, предоставление им более или менее существенной политико-административной роли после аннексии данных территорий Российской империей, а также попытки осуществить их частичную или полную интеграцию в состав имперского дворянства. Во всех трех случаях

² William H. McNeill, *Europe's Steppe Frontier, 1500-1800* (Chicago: University of Chicago Press, 1964), 130-131.

российские власти использовали риторику уважения местных обычаев и законов, несмотря на то, что вводимые империей административные схемы на практике могли существенно отличаться от тех, что существовали на данных территориях до их аннексии Россией.

Стратегия колонизации степных пространств и политика взаимодействия с землевладельческими элитами оседлых обществ в причерноморском регионе могли вступать в противоречие друг с другом. В данной статье рассматривается один из случаев такого противоречия, имевший место в Бессарабии в первое десятилетие после аннексии Россией в 1812 г. Провозглашая, что « жителям Бессарабии предоставляются их права », « Правила временного управления Бессарабией », разработанные И.А. Каподистрией и утвержденные главнокомандующим российской « Молдавской » армией адмиралом П.В. Чичаговым, предписывали бессарабскому губернатору « избрать из помещиков по способности для заседания в департаментах (областного гражданского управления, В.Т.), под названием советников ». Линия на сотрудничество с местной поместной элитой продолжилась включением в 1818 г. дворянских депутатов в состав Бессарабского Верховного совета, областного и уездных правлений, признанием дворянских титулов и началом работ по кодификации местного права. В то же время, в своей инструкции первому губернатору Бессарабии С.Д. Стурдзе, Чичагов предписывал « искусным образом обратить на сию область внимание пограничных народов ». « Болгары, сербы, молдаване и валахи ищут отечества. Вы можете предложить им оное в сем крае ».³

Другими словами, российские власти подходили к Бессарабии одновременно как к территории, в которой местная поместная знать опиралась в своем господстве над непривилегированным населением на устоявшуюся правовую традицию, и как к территории, открытой для земельной колонизации разноэтничными элементами, которые не всегда были привязаны к данной правовой традиции. Представляется, что подобное противоречие отражало специфику территории между Прутом, Днестром, Дунаем и Черным морем. Численное преобладание поземельно-зависимого румыноязычного крестьянства сочеталось здесь с отсутствием или крайней малочисленностью до 1812 г. бояр-помещиков, которые предпочитали проживать в запрутской Молдове. Это объяснялось наличием здесь турецких райя и Буджакской орды, которые вплоть до второй половины XVIII века составляли угрозу для местного оседлого населения и для земельной собственности и

³ « Материалы для новейшей истории Бессарабии ». *Записки Бессарабского статистического комитета*. Ред. А.Н. Егунова. Т. 3, (Кишинев: Тип. Областного Правления, 1868), 111-112.

обуславливали относительно низкую плотность населения Пруто-Днестровского междуречья. В результате, после ликвидации турецких крепостей, выселения ногаев из Буджака и последовавшей за этим аннексии Бессарабии, российские власти оказались заинтересованы как в переселении сюда представителей молдавской знати из запрутской Молдовы, так и в заселении этой, полупустынной с их точки зрения, земли разноэтничными христианскими земледельцами из соседних территорий.

Боярская « колонизация » Бессарабии началась ещё во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. В ответ на петицию молдавского Дивана, Александр I согласился признать права молдавских бояр на владение землями в Хотинском цинуте, отчужденные турками от Молдавского княжества в 1713 г. и превращенные османами в райя в наказание за поддержку, которую оказал молдавский господарь Дмитрий Кантемир Петру I во время Прутского похода. Сенатор С.С. Кушников, председательствовавший в 1808-1810 гг. в молдавском и валашском диванах, назначил специальную комиссию из бояр с задачей подтвердить права собственности претендентов.⁴ Относительная легкость, с которой молдавские бояре добивались подтверждения своих прав на земли, потерянные столетие назад и приобретали новые свидетельствует о том, что российские власти рассматривали Бессарабию как территорию с исторически сложившейся правовой традицией земельной аристократии, а не как « terra nullius ».⁵ Несмотря на это, уже до 1812 г. действия российских властей в Бессарабии содержали и элементы колонизаторской политики, характерной для Новороссии. Так, в 1807 г. было осуществлено переселение нескольких тысяч ногайцев из Буджакской степи в глубь империи. Через несколько лет эти ногаи предпочли эмигрировать за Дунай. Будучи ранее во владении османских султанов и крымских ханов, Буджак перешел « по наследству » российской короне и, хотя российское правительство раздавало земли на юге Бессарабии молдавским боярам, Буджакская степь оставалась по преимуществу незаселенной, что открывало возможности для более интенсивной колонизации.⁶

Наплыв задунайских поселенцев (в основном болгар) в Бессарабию начался ещё до окончания русско-турецкой войны. В апреле 1811 г. новый глав-

⁴ См. П. Халиппа, Описание архива господ Сенаторов, председательствовавших в диванах Молдавии и Валахии в 1808-1812 гг. *Труды Бессарабской Архивной комиссии*. Т. 1, (Кишинев, 1907), 335.

⁵ В общей сложности бояре получили 117 тысяч десятин земли. См. Е.И. Мещеряк, *Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812-1820 гг.* (Кишинев: Госиздат МССР, 1957), 20.

⁶ Общее рассмотрение колонизаторской политики в Новороссии и степном регионе осуществлено в W. Sunderland, *Taming the Wild Field. Colonization and Empire on the Russian Steppe* (Ithaca: Cornell University, 2006).

нокомандующий дунайской армии М.И. Кутузов принял меры для поощрения поселения болгар на левом берегу Дуная, на территории османских райя Брэила и Джурджу. Поселенцам предоставлялись земельные наделы и освобождение от налогов на три года, взамен которых они были обязаны нести пограничную службу.⁷ Однако очень скоро переселенцы стали жаловаться на поборы со стороны валашских чиновников. Отражая их стремление избежать налогового гнета, которому подвергалось валашское крестьянство, ново назначенный глава администрации поселенцев А.Я. Коронелли предложил определить местом поселения болгар Бессарабию, а также сформировать из болгар казачье войско.⁸ Для задунайских поселенцев этот вариант оказался оптимальным, учитывая не только их избавление от валашской администрации, но и то, что заключенный вскоре Бухарестский мир сохранил княжества, а также райя Брэила и Джурджу за Османской империей.

Таким образом, уже до заключения Бухарестского мира и формального присоединения Бессарабии к Российской империи, российские власти использовали два различных подхода к управлению регионом, не осознавая до конца заключавшегося в них противоречия. С одной стороны, желание заручиться поддержкой молдавской знати привело к очень либеральной политике по отношению к претензиям бояр на земли бывших турецких райя.⁹

⁷ *История Молдавии. Документы и материалы*. Т. 2. Ред. К.Р. Кыржановская и Е.М. Руссев, (Кишинев: Академия наук МССР, 1957), 1. Далее цитируется как *История Молдавии*.

⁸ Краткая записка А.Я. Коронелли М.И. Кутузову о задунайских поселенцах. 15 ноября 1811 г. *История Молдавии*, 28.

⁹ Важно отметить, что позиция российской дипломатии по отношению к территориям турецких райя претерпела интересную эволюцию. Ранние русско-молдавские договора о союзе между Алексеем Михайловичем и Георгием Штефаном (1656), а также между Петром Первым и Дмитрием Кантемиром (1711) предполагали возвращение этих территорий в состав молдавского княжества как незаконно отторгнутых турками, однако сами эти договора либо не получили окончательной апробации со стороны российского правителя (договор 1656 г.), либо оказались де факто аннулированы неудачными результатами русско-молдавского союза (договор 1711 г.). В период войны 1768-1774 гг. делегации молдавских бояр к Екатерине II вновь поднимали вопрос о возвращении райя под юрисдикцию Молдовы. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. действительно предписывал « вернуть монастырям и частным лицам владения, которые им принадлежали и которые незаконно были у них изъяты при формировании райя » (ст. 16). Однако, примечательно, что в отличие от ранних русско-молдавских договоров, Кючук-Кайнарджийский трактат перевел проблему райя из вопроса о территориальной юрисдикции в вопрос о частной или церковной земельной собственности, после чего последующие русско-турецкие соглашения, как например хатт-и шериф 1802 г., рассматривали данный вопрос именно в таком ключе. Вот почему некорректным представляется утверждение молдавского историка Алексея Агаки о том, что в своих соглашениях Россия и Порты « признавали исторические права Молдовы и Цара Ромыняскэ на территории, превратившиеся в райя » и что их провозглашение в 1806 г.

С другой стороны, пустыньность Буджака подталкивала имперскую администрацию к поощрению поселения болгар и прочих колонистов. Хотя и то, и другое было частью политики превращения Бессарабии в « новое отечество » для единоверных балканских народов, российские власти не предвидели осложнений, связанных с различием социального состава потенциальных колонистов. В то время как « молдаване » и « валахи » были представлены, прежде всего, боярами, прочие балканские народы, привлекавшиеся в Бессарабию, не имели своей аристократии и представляли собой по преимуществу крестьянское население. Если первых влекла в Бессарабию возможность восстановить свою земельную собственность, утраченную в период Османского господства, то вторые были собственно колонистами, всячески стремившимися избежать сеньориального контроля. Заключавшаяся здесь возможность конфликта была усугублена беспорядочностью процесса раздачи земель боярам и колонистам, проводившейся в отсутствие земельного кадастра. Вот почему, вскоре после заключения Бухарестского мира, местная администрация, составленная на основании « Правил временного управления Бессарабией », оказалась втянутой в конфликт помещиков и колонистов, в котором отразилась противоречивость политики имперских властей в отношении завоеванной территории.

Получив возможность осесть в Бессарабии, поселенцы осуществили это предсказуемо хаотическим способом, заняв как коронные территории, так и земли, недавно пожалованные российскими властями молдавским боярам. Так, часть задунайских поселенцев осела на землях, недавно перешедших в собственность помещика Иммануила Бальша, молдавского боярина, эмигрировавшего совместно со Скарлатом Стурдзой в Россию после русско-турецкой войны 1787-1792 гг. и дослужившегося до высокого придворного чина камергера. Однако вскоре поселенцы приняли решение покинуть земли Бальша и, собрав урожай и разобрав свои хижины, перешли на коронные земли в Буджаке. Это послужило причиной конфликта между Бальшем и поселенцами, в ходе которого первый настаивал на выплате поселенцами годичных податей за пользование землей в соответствии с молдавскими обычаями, подтвержденными « Правилами временного управления Бессарабией ». В свою очередь крестьяне отстаивали свой статус свободных

владениями российской короны « по праву завоевания » представляло собой « серьезное нарушение Россией русско-турецких трактатов и конвенций ». См. Alexei Agachi, *Moldova și Țara Românească sub ocupația militară rusă (1806-1812)* (Iași: Casa Editorială Demiurg Plus, 2008), 84-85. В вышеупомянутых трактатах и конвенциях Российская империя признавала лишь владельческие права монастырей и частных лиц на потерянные угодья, права, которые и были восстановлены администрацией Кушниковой после 1808 г. (Agachi, 89-90).

поселенцев, ссылаясь на манифест Кутузова, освобождавший их от всех налогов.¹⁰

Ситуация осложнялась отсутствием четкого разделения юрисдикции между российскими военными и гражданскими властями, чем обе конфликтующие стороны не преминули воспользоваться. В то время как губернатор Бессарабии И.М. Гартинг, сменивший разбитого параличом Стурдзу в 1813 г., и областное правительство, состоявшее из помещиков, приняли сторону Бальша и отдали приказ о возвращении переселенцев на помещичьи земли, крестьяне обратились к командованию Второй армии с просьбой предоставить им статус казачьего формирования по примеру Донского казачьего войска и закрепить за ними право поселения на коронных землях вдоль Дуная. С санкции министра внутренних дел И.К. Козодавлева командующий Второй армией Л.А. Беннингсен создал для разрешения конфликта следственную комиссию под начальством будущего декабриста Ю.М. Юшневского.¹¹ Вскоре после прибытия в Бессарабию в марте 1816 г. Юшневский принял сторону поселенцев и стал убеждать свое начальство в необходимости прекратить насильственное возвращение поселенцев на помещичьи земли, поскольку это послужит их разорению и не поспособствует осуществлению задачи колонизации Бессарабии.¹²

Позиция Юшневского была поддержана новоназначенным полномочным наместником Бессарабии А.Н. Бахметьевым, который выступил за предоставление задунайским поселенцам статуса колонистов, однако был против формирования из них казачьего войска, указывая на их успехи в земледелии и малую эффективность в военных действиях, а также на сомнительность лояльности этих бывших османских подданных, проживающих вблизи турецкой границы.¹³ Недовольные позицией Бахметьева помещики обратились к царю, основывая свои требования к поселенцам на местной правовой традиции ссылаясь, в частности, на Юстинианов кодекс, запрещающий крестьянам переходить от одного землевладельца к другому без согласия первого.¹⁴ В итоге, Бахметьев подчинил задунайских поселенцев специально созданной администрации, во главе которой поставил российского офицера греческого происхождения. Тем самым наместник сделал первый шаг в сторону выведения колонистов из-под юрисдикции бессарабского правительства, состоявшего в значительной степени из представителей местного помещного дворянства. Решение, принятое Бахметьевым, было подтверждено импе-

¹⁰ См. Манифест Кутузова задунайским поселенцам. 26 апреля 1811 г. *История Молдавии*, с. 1.

¹¹ См. документы от 8 и 20 сентября 1815 г. *История Молдавии*, с. 100-103.

¹² Юшневский Гартингу. 1 июня 1816 г. *История Молдавии*, с. 199-201.

¹³ Бахметьев Александру I, 3 июля 1816 г. *История Молдавии*, с. 225-228.

¹⁴ 26 июля 1816 г. *История Молдавии*, с. 252.

ратором. Утверждая « Устав образования Бессарабской области » 1818 г., продолжавший политику автономии с опорой на местную знать, Александр I подчинил задунайских поселенцев Конторе иностранных поселенцев Юга России и, одновременно, следуя рекомендации Бахметьева, предоставил им статус иностранных колонистов.¹⁵ Соответствующее предложение было представлено императору во время его кишиневского визита начальником Конторы, генералом И.Н. Инзовым, который, подобно Юшневскому, принял сторону поселенцев и активно отстаивал их интересы.¹⁶

Помимо обычных для российской администрации волокиты и разобщенности действий, причина, по которой на разрешение конфликта между помещиками и поселенцами ушло семь лет, заключалась в противоречивом характере обязательств, взятых на себя российскими властями на момент присоединения Бессарабии. С одной стороны, стремление продолжить политику колонизации, начатую во второй половине XVIII в. в Новороссии, и превратить Бессарабию в привлекательную для балканских христиан провинцию не позволяло российской администрации проигнорировать интересы задунайских поселенцев и оставить их на милость бессарабских помещиков. С другой стороны, желание сохранить влияние на Молдавию и Валахию не позволяло российским властям решить эту проблему чисто административным способом за счет помещиков. Вот почему в итоге российские власти постарались найти золотую середину в конфликте помещиков и колонистов, преследуя несколько утопичную цель сделать Бессарабию привлекательной и для тех, и для других.

Неопределенность характера и статуса новой области проявилась в назначении бессарабских наместников с 1810-1820-х гг. Ввиду обозначенного выше противоречия между политикой колонизации и курсом на сотрудничество с местной элитой, назначение в 1816 г. первым наместником Бессарабии подольского военного губернатора А. Н. Бахметьева само по себе значительно.¹⁷ Подолия представляла собой регион, аннексированный Российской империей в результате разделов Польши, в котором социально доминировала польская знать. В течение двух десятилетий с момента аннексии Подолии, отношения между имперским центром и польской элитой оставались неопределенными, особенно принимая во внимание противостояние России с революционной, а затем и наполеоновской Францией. В борьбе за лояльность польских элит два имперских центра использовали риторику

¹⁵ См. Положение о главном управлении Южного края России. ПСЗ. 1-я серия. Т. 35, 154-158. №. 27312.

¹⁶ См. Решение комитета Министров от 18 октября 1819 г. *История Молдавии*, с. 537-539.

¹⁷ См. Высочайшее повеление, объявленное Комитету Министров графом Аракчеевым. О назначении в Бессарабской области полномочного наместника, 26 мая, 1816 г. ПСЗ, 1-я серия, Т. 23, № 26289.

признания исторических прав.¹⁸ В ответ на создание Герцогства Варшавского, накануне наполеоновского вторжения в Россию, Александр I сигнализировал через Адама Чарторыйского свое намерение предоставить полякам широкую автономию. После разгрома Наполеона, несмотря на участие поляков в походе Великой армии, император создал конституционное Царство Польское, соединенное с Российской империей лишь личной унией.¹⁹ Он также рассматривал возможность расширения Царства Польского за счет губерний, присоединенных к России в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой, чем вызвал большое недовольство российского дворянства.²⁰ Польская политика Александра I в свою очередь могла побудить австрийские власти в Галиции взять курс на сотрудничество с польскими элитами, которое продлилось на многие десятилетия после того, как эксперимент российского императора был похоронен Ноябрьским восстанием 1830 года.²¹ В 1816 г. политика сотрудничества с польскими элитами на западных окраинах была в полном разгаре, и назначение подольского военного губернатора бессарабским наместником означало, что центр рассматривает Бессарабию как часть « западных окраин ».

Данное предположение подтверждается инструкцией императора Бахметьеву, в которой отмечалось, что « система », которая была принята в отношении Бессарабии, « находится с полным соответствием с тою, которую Его Императорскому Величеству было угодно принять в отношении других территорий, приобретенных в правление Его Императорского Величества ». ²² Отсылка к Великому Герцогству Финляндскому и Царству Польскому здесь очевидна, что потенциально наделяло местное дворянство той же ролью и значимостью в областном управлении, коими располагали финские и польские элиты в соответствующих регионах. Таким образом, назначение подольского военного губернатора могло создать впечатление, что приви-

¹⁸ О политике Наполеона в Польше, см. Christopher Blackburn, *Napoleon and Szlachta* (Columbia University Press, 1998). О политике России, Австрии и Пруссии на территориях бывшей Речи Посполитой, см. Piotr Wadycz, *The Lands of Partitioned Poland, 1795-1918* (Seattle: University of Washington Press, 1993).

¹⁹ О намерении Александра I предоставить Польше автономию накануне войны с Наполеоном, см. Адам Чарторыйский, *Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с Александром I*. Т. 1-2. Перевод А. Дмитриевой. Москва: В.Ф. Некрасов, 1912-1913. О создании Царства Польского и его существовании в Российской империи, см. Frank W. Thackeray, *Antecedents of Revolution: Alexander I and the Polish Kingdom, 1815-1825* (Columbia University Press, 1980); *Западные окраины Российской империи*. Под ред. М.Д. Долбилова и А.И. Миллера, (Москва: Новое литературное обозрение, 2006), 83-94.

²⁰ *Западные окраины*, 90-91.

²¹ Wadycz, *The Lands of Partitioned Poland*, 72.

²² Александр I А.Н. Бахметьеву, РГИА, фонд 1286, оп. 2, д. 70, лл. 25-26.

легии бессарабской знати являются приоритетом для имперского центра, а поставленная перед Бахметьевым задача разработки нового устава на основе местных законов, обычаев и традиции, открывала перспективу консолидации позиций бояр. Отчасти, это впечатление подтвердилось весьма либеральной политикой по вопросу признания боярских титулов, а также началом работ по кодификации молдавского права.²³

В то же время, тенденция рассмотрения Бессарабии как пространства колонизации не исчезла полностью. Она проявилась как в подчинении бюджетских колонистов Конторе иностранных поселенцев Юга России в 1819 г., так и в назначении главы этой конторы генерал-майора И. Н. Инзова преемником Бахметьева на посту наместника Бессарабской области. Как уже упоминалось, Инзов весьма активно лоббировал интересы задунайских болгар в их конфликте с бессарабскими помещиками.²⁴ Оставаясь начальником иностранных поселенцев на протяжении всего периода своего наместничества, Инзов имел соответствующее виденье характера новой области и целей имперской политики в ней. Он явно рассматривал Бессарабию как часть Новороссии, где правительство на протяжении десятилетий проводило политику колонизации. Привилегии бессарабских помещиков, упроченные Уставом 1818 г., Инзов рассматривал как препятствие для проведения этой политики. Это побудило его принять первые меры в направлении сокращения бессарабской автономии, включая назначение дополнительных представителей от короны в Бессарабский Верховный совет в противовес выборным представителям бессарабской знати, а также первый пересмотр дворянских титулов, приведший к сокращению количества дворянских семей.²⁵

Тенденция рассматривать Бессарабию как часть Новороссии, а не западных окраин стала ещё более очевидна при преемнике Инзова, М.С. Воронцове, который был в 1823 г. назначен новороссийским генерал-губернатором вместо А.Ф. Ланжерона. Таким образом, в лице Воронцова, управление Бессарабией было объединено с администрацией региона, в котором на протяжении полувека имела место государственная политика колонизации и развития торговли. Если ранее определение Бессарабии как части « западных окраин » сопровождалось акцентом на « исторические права » и местные обычаи, реклассификация региона как части Новороссии в 1820-е гг. привело к усилению дискурса « цивилизаторской миссии »²⁶. Предшественники Во-

²³ А.Н. Крупенский, *Очерк о бессарабском дворянстве* (Кишинев: Губернская типография, 1912), 11-12.

²⁴ См. ПСЗ, 1-я серия, Т. 27, № 28519.

²⁵ А. Накко, *Очерк гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1818 г., Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. XXII. Одесса, 1900, 191-193.

²⁶ Это обстоятельство демонстрирует различия в подходе генерал-губернаторов западных

ронцова в Одессе, Ришелье и Ланжерон, представляли собой довольно типичных « просвещенных администраторов », оперировавших той же « цивилизаторской » идиомой, что и их соотечественник в Иллирийских провинциях Огюст де Мармон. Ни один из них не участвовал непосредственно в управлении Бессарабией. Однако Ришелье сыграл важную роль в депортации ногаев из Буджакской степи в 1807 году, что открыло это пространство для болгарских, немецких и русских колонистов.²⁷ Что же до Ланжерона, то его мемуары о русско-турецких войнах 1787-1791 и 1806-1812 гг. представляли собой наиболее типичные описания Молдавии и Валахии в категориях варварства и восточного деспотизма, которые можно было преодолеть лишь посредством рационального и просвещенного правления.²⁸ Несмотря на то, что Воронцов в принципе симпатизировал историческим правам и привилегиям местных элит благодаря своему англофильству, в отношении Бессарабии он вполне унаследовал « цивилизаторский » подход своих предшественников, который проявился в продолжении политики колонизации, в скептическом отношении к бессарабской правовой традиции.²⁹ Вот почему ограничение бессарабской автономии, осуществленное Воронцовым в конце 1820-х гг., можно воспринимать как следствие реклассификации этого региона: с 1820-х гг. Бессарабия рассматривается скорее, как продолжение Новороссии, а не западных окраин, в разряд которых её очевидно вносил Александр I.³⁰

окраин, чья задача состояла в обеспечении лояльности местных элит и генерал-губернаторов степных областей, чьей главной задачей была колонизация. Сходным образом, описывая ситуацию второй половины 19-го в., Кимитаке Мацузато разделяет генерал-губернаторов на « этнобонапартистов » и « хозяйственников ». См. К. Мацузато, Генерал-губернаторства Российской империи. От этнического к пространственному подходу. *Новая имперская история постсоветского пространства*. Под ред. И. Герасимова и др. (Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004), 427-458.

²⁷ О переселении ногаев из Бессарабии, см. Willard Sunderland, *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on Russian Steppe* (Ithaca: Cornell University Press, 2004), 112.

²⁸ См. « Journal des campagnes faites en service de Russie », in *Documente privitoare la istoria românilor*, Supplement I, Vol. 3 (București: Academia Română și Ministerul Cultelor și Instrucțiunii Publice, 1889).

²⁹ См. М.С. Воронцов Д.М. Блудову, 4 октября, 1823, Архив Воронцовых, Т. 38, 291 и последующую переписку.

³⁰ Общий анализ деятельности Воронцова на посту бессарабского наместника содержится у Anthony Rhineland, *Prince Michael Vorontsov. Vice-Roy to the Tsar* (Montreal: McGill University Press, 1990), 67-93. Во второй половине 1820-х гг. Воронцов принимает ряд мер по дальнейшей колонизации юга Бессарабии. См. О водворении в Бессарабии сербов. 9 февраля, 1826 г. ПСЗ, 2-я серия, Т. 1, № 132. С. 194-196; О водворении Запорожских казаков и других заграничных выходцев в Бессарабской области, 19 февраля, 1827 г. ПСЗ, 2-я серия, Т. 2, № 913; О переселении крестьян из внутренних губерний в Бессарабскую область, 21 сентября, 1826 г. ПСЗ, 2-я серия, Т. 1. С. 592, 998-1000.